

ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА КАТОЛИКОВ СИБИРИ В 1830–1917 гг.

Т.Г. Недзелюк

Статья посвящена характеристике процесса формирования конфессионального сообщества католиков Сибири в период наиболее массового миграционного движения из западных регионов империи на восток. Источниковой базой исследования послужили материалы статистики. В результате исследования с применением методик контент-анализа, методов обобщающих показателей, а также анализа и синтеза сделаны выводы о поступательном увеличении доли католиков в населении Сибири в период с 1830 по 1917 г. Массовые миграции были обусловлены как политическими, так и социально-экономическими причинами.

Конфессиональное сообщество католиков Сибири, состав и численность населения, демографические характеристики, политическая ссылка, экономические миграции.

История политических и экономических миграций, определивших массовую количественную основу конфессионального сообщества сибирских католиков, неоднократно становилась предметом исследований. Долгое время наиболее изученной считалась польская диаспора Восточной Сибири [Шостакович, 1974; Федорчук, 1994; Тимофеева, 2001], однако на рубеже XX–XXI столетий активизировался исследовательский интерес и к представителям европейских диаспор Западной Сибири [Европейские общины..., 2010; Мулина, 2012; Пяткова, 2008; Скубневский, 1998, 2009]. К проблемам миграционного поведения немцев обращается целая плеяда исследователей [Вибе, 2007; Дятлова, 1998; Кротт, 2006; Малиновский, 1996; Розина, 2006; Смирнова, 2010; Шайдуров, 1996, 2013]. Мотивация к переселенческому поведению выявлена в сочинениях П.П. Вибе [1996, 2007]. Условия переселения добровольных мигрантов-агров немцев немецкой национальности в Сибирь изучены Е.К. Розиной [2006]. Объяснительная модель предпринимательской активности немцев-протестантов в сравнении с немцами-католиками разработана Л.В. Малиновским и И.И. Кроттом [Малиновский, 1996; Кротт, 2006].

Демографические характеристики первой волны массовой ссылки поляков в Сибирь, составившей основу католических приходов и выступивших с инициативами возведения культовых зданий, выявлены Р.В. Оплаканской [2001]. Анализ численности и состава, профессиональной принадлежности и семейного положения ссыльных в Западную Сибирь пореформенного периода выполнен С.Г. Пятковой [2008]. Современный взгляд на социальный и демографический состав польской ссылки предложен С.А. Мулиной [2012]. Численность, размещение и персональный состав представителей польского католического духовенства в сибирской ссылке охарактеризованы И.Н. Никулиной [2011].

Результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи для характеристики католического сообщества в России и в Сибири были востребованы В.А. Скубневским [1998] и Б.В. Тихоновым [1977]. Тема миграционных потоков агров немецкой и польской национальностей католического вероисповедания отражена в работах С.В. Леончика [2002] и В.Н. Шайдурова [2013]. Скрупулезный анализ численности, состава и размещения польского населения в Сибири на рубеже XIX–XX вв. проведен в монографии Л.К. Островского [2011].

Процесс миграции граждан Российской империи римско-католического вероисповедания на бескрайние просторы Сибири приобрел массовый характер во второй четверти XIX в., после знаменитого Ноябрьского восстания в Польше. Так как точного статистического учета ссыльных и переселенцев в Сибирь из западных регионов империи не велось, для реконструкции и подсчета численности поляков специалистами по исторической демографии были разработаны специальные методики. Результатом исследований Р.В. Оплаканской стал поименный список («Генеральная картотека персоналий»), составленный на основе поименных списков ссыльных, извлеченных из фондов ГАРФ и ИСАОО. Для учета количества добровольных переселенцев исследователь использовала метрические книги Томского костела. В картотеку вошли данные о 401 политическом ссыльном и 799 польских переселенцах [Оплаканская, 2001, с. 18]. Таким образом, мы достоверно можем утверждать, что 1200 католиков польского происхождения оказались в Томской губернии в период 1831–1860 гг. (до начала второй волны политической

ссылки). Данные, полученные с помощью анализа метрических книг, были соотнесены с поименными списками отправленных в Сибирь, составленными польским историком М. Яником на основе документов Речи Посполитой [Janik, 1991]. В генеральной картотеке персоналий зафиксированы: дата и место рождения человека, выступавшего в роли учетной единицы; происхождение, социальный статус и род занятий как до появления в Сибири, так и после; семейное положение и круг общения [Оплаканская, 2001, с. 19]. В состав ученых вошли не только непосредственные участники Ноябрьского восстания, но и «заливщики» (участники партизанского движения под руководством Ю. Заливского), «конарщики» (члены конспиративной организации Ш. Конарского).

Так как строгого статистического учета высланных и добровольно переехавших в Сибирь в период 1830–1862 гг. не велось, мы не можем делать категорических оценок. Исследователи предлагают и обосновывают следующие цифры. Польский историк В. Масярж, характеризуя иркутский приход, указывает на его относительно стабильную численность в течение длительного периода: в 1853 г. — 1179 чел., 1855 г. — 1171, 1856 г. (после амнистии 1856 г.) — 965, 1861 г. — 1478 [Masiarz, 2002, s. 128]. Оценивая общую численность высланных в Сибирь, другой польский историк, Л. Заштовт, настаивает на общей цифре в 14 тыс. чел. в период между Ноябрьским восстанием 1830 г. и Январским восстанием 1863 г. в губерниях Царства Польского [1998, с. 165–170]. Массовые миграции представителей немецкого этноса данного вероисповедания в Сибирь будут иметь место значительно позже, в 80-е гг. XIX столетия, а потому мы можем рассматривать поляков в качестве инициаторов основания католических общин.

Попытка выявления численности и персонального состава участников Январского восстания 1863 г. была предпринята Варшавским центром исторических исследований под руководством В. Сливовской. Разработанная польскими историками-демографами «Картотека польских ссыльных» базировалась на унифицированных данных анкеты. Исследование носило комплексный характер, одновременно проводилось в архивах польских городов (Варшава, Краков, Люблин, Седльце, Радом) и в России: в ГАРФ и РГИА, государственных архивах Вятки, Твери, Перми, Оренбурга, Иркутска, Омска, Томска, что позволяет судить о его достаточной репрезентативности. Сравнение персональных данных позволило коллективу авторов максимально точно выявить имена повстанцев, фигурировавших в списках мест выхода (населенные пункты в Польше), транзитных списках (Вятка, Пермь и Оренбург) и собственно в сибирских перечнях. Результатом исследовательского поиска стал перечень из 40 тыс. имен [Сливовская, 2010].

Динамику изменения численности Иркутского прихода во время второй волны польской ссылки в Сибирь проследил В. Масярж: в 1864 — 1906 чел., 1865 — 2954, 1868 — 5179, в том числе 924 женщины, в 1870 — 4271, 1871 — 3996, 1903 — 3756 чел. [Masiarz, 2002, s. 129]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Красноярском приходе: 1888 г. — 4188 чел., 1895 — 6998 чел. [Там же, с. 132]. Таким образом, второй хронологический этап формирования католического населения Сибири охватывает период 1863–1880 гг. (первый «сибирский транспорт» с осужденными за участие в Январском восстании отправился из Варшавы 16 сентября 1863 г., а последний — 16 июня 1880 г., несмотря на то что ряд «пונесших наказание Сибирью» уже были амнистированы) [Стшижевская, 2002].

В 70–80-е гг. XIX в. строгого статистического учета прибывших в Сибирь по-прежнему не велось, на что в 1867 г. сетовал тобольский генерал-губернатор Деспот-Зенович: «...до сих пор не заведен алфавитный список лиц, высланных из Царства Польского и Западного края под надзор полиции... постоянно обнаруживаются беспорядки по этой части» [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 1, д. 146, л. 74]. Не существовало общего алфавитного списка, но «алфавиты на записку преступников», водворенных в уезды сибирских губерний, передавались губернскими полицейскими управлениями уездным исправникам. Это позволило В.Н. Асочаковой уточнить поименные списки сосланных и сделать вывод, что основной поток польских ссыльных в Минусинский уезд начался после подавления польского повстанчества в 1863–1864 гг., итоговая численность их составила 1026 чел. К концу 1864 г. в Енисейскую губернию было сослано 2686 католиков и 1547 лютеран, из них в Минусинском округе были поселены 505 и 928 соответственно, т.е. 18,8 % от общего количества католиков и 59,9 % лютеран в губернии [Асочакова, 2007, с. 77].

Высокой степенью достоверности характеризуются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые содержат информацию о численности и национальном составе населения по губерниям, уездам, крупным населенным пунктам. Важны для нашего исследования сведения о вероисповедном составе, половозрастной структуре и уровне грамотности населения, позволяющие выявить своеобразие сибирского населения с

Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.

точки зрения его конфессиональной структуры, географического и социально-политического положения края, принадлежности к огромной евро-азиатской империи. В целом по империи в 1897 г. католики составляли 9,09 % от общего состава населения, что характеризует их как третью по количеству конфессиональную группу: 69,54 % от общего количества населения составляли православные с единоверцами и 11,06 % — мусульмане. На четвертом месте — протестанты, но их число значительно меньше: 2,98 %. Мужчины и женщины среди католиков наличествовали приблизительно в равном количественном соотношении: 5 664 665 и 5 756 262 чел. соответственно; незначительное преобладание женского населения над мужским вписывается в рамки нормального демографического распределения. Если сравнивать количество католиков по регионам, то заметим, что в Европейской России их было 4,6 %, в привисленских губерниях — 74,3 %, на Кавказе — 0,5 %, а в Сибири — 0,6 % [ПВПН РИ, 1901, т. 6, с. 19].

Если сравнивать статистику по сибирским регионам, то заметим, что в 1897 г. процентное отношение католиков к основной массе сибирского населения было несколько большим в Восточной Сибири, нежели в Западной. В абсолютных данных максимальное число католиков проживало в Томской губернии — 8587 чел., но в процентном соотношении на первом месте находилась Енисейская — 1,08 %, на втором Иркутская — 0,78, далее Тобольская — 0,5 и лишь затем Томская губерния — 0,44, области Забайкальская — 0,3 и Акмолинская — 0,25 % (табл. 1).

Таблица 1

Количество католиков среди населения Сибири по переписи 1897 г.*

Губерния, область	Мужчин	Женщин	Всего	
			Абс.	% к общему числу жителей
Енисейская	4561	1607	6186	1,08
Иркутская	2990	1042	4032	0,78
Тобольская	4378	2707	7085	0,5
Томская	5388	3199	8587	0,44
Забайкальская	1440	455	1895	0,3
Акмолинская	997	707	1704	0,25
<i>Итого</i>	19754	9717	29471	0,56

* Составлено по: [ПВПН РИ, 1901, с. 2–5, 34–37].

Объективно к рубежу XIX–XX вв. в Сибири сложились четыре значимые в численном отношении группы, составившие демографическую основу сибирских католических приходов. К ним относились: 1) бывшие польские ссыльные и их потомки; 2) добровольная экономическая миграция (рабочие и служащие на строительстве Сибирской железной дороги); 3) добровольная крестьянская миграция (выходцы из малоземельных губерний европейской части России, в том числе поволжские немцы); 4) военная миграция в годы Первой мировой войны.

Политическая ссылка поляков прекратилась в 1915 г., как только царские войска покинули территорию Польского королевства. Однако ссыльные поляки, хотя и были первым источником основания «сибирской Полонии», дали впоследствии лишь 10–15 % от общего числа поляков-сибиряков.

В. Масярж акцентирует значение добровольной заработанной миграции польской интеллигенции, которая началась со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали [Masiarz, 2008]. Представители этой миграционной волны, которая продолжалась вплоть до 1914 г., — чиновники, служащие, юристы, учителя, купцы, врачи, а более всего инженеры и квалифицированные рабочие — поселялись в городах и на станциях вдоль железной дороги. Наиболее крупной группой поселенцев-поляков, по мнению польского ученого, в чем мы с ним полностью согласны, явилась волна добровольной аграрной миграции, массовой с 1907 г.; этих людей поселяли в деревнях либо на вновь подготовленных земельных участках. Последняя, четвертая волна стала прибывать в Сибирь в 1914–1915 гг. с началом войны: это переселенцы, эвакуированные властями, беженцы и военнопленные из австрийской и германской армий.

В первые десятилетия XX в., ввиду изменения мотивации переселений, большее число переселенцев стало оседать в Западной Сибири, нуждавшейся в сельскохозяйственном освоении. Для выявления мест максимального локального сосредоточения католиков на территории Сибири сопоставим данные ПВПН РИ в табл. 2 и статистического справочника «Города России в 1910 г.» [1914, с. 1030–1033, 1100–1101].

Округа Сибири с наиболее многочисленным католическим населением (1897 г.), чел.*

Западная Сибирь			Восточная Сибирь		
Томская губ.	Тобольская губ.	Акмолинская обл.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальская обл.
Каинский округ (3594 чел.)	Тюкалинский округ (2359 чел.)	Омский округ (1214 чел.)	Красноярский округ (2094 чел.)	Иркутский округ (1696 чел.)	Читинский округ (695 чел.)
Томский округ (3179 чел.)	Ишимский округ (1413 чел.)	Кокчетавский округ (229 чел.)	Канский округ (1576 чел.)	Нижнеудинский округ (1106 чел.)	Верхнеудинский округ (306 чел.)
Мариинский округ (1406 чел.)	Тарский округ (1199 чел.)	Петропавловский округ (229 чел.)	Минусинский округ (1243 чел.)	Балаганский округ (861 чел.)	Нерчинско-Заводской округ (298 чел.)

* Составлено по: [ГВПН РИ, 1904–1905, т. 73, с. 2–3; т. 74, с. 2–3; т. 75, с. 2–3; т. 78, с. 2–3; т. 79, с. 2–3; т. 81, с. 2–3].

Исходя из проанализированных нами цифровых данных заключаем, что больше всего католиков в 1897 г. проживало в Каинском и Томском округах Томской губернии, Тюкалинском округе Тобольской губернии, Красноярском округе Енисейской губернии и Иркутском округе Иркутской губернии.

Проследим конфессионально-демографическую картину в развитии. Динамика за 13 лет, с 1897 по 1910 гг., демонстрирует сохранение высокого количества католиков в городах Красноярске, Омске, Томске, Иркутске. В процентном соотношении самыми насыщенными католическим населением оказались в 1910 г. Атамановский хутор Акмолинской области и г. Красноярск Енисейской губернии и (по 8,7 %), г. Тобольск Тобольской губернии (5,7 %), города Мариинск (4,2 %), Новониколаевск (3,9 %), Томск (3,6 %) Томской губернии, г. Иркутск Иркутской губернии (3,9 %), г. Омск Акмолинской области (3,8 %) [Города России..., 1914, с. 1030–1033, 1100–1101]. Подавляющее большинство католиков-сибиряков являлись гражданами польской национальности, за исключением г. Бийска, где все католики оказались немцами. В городах Мариинске, Новониколаевске, Тобольске, Омске, наряду с поляками, прихожанами католической церкви являлись литовцы, латыши, белорусы, немцы. Любопытная ситуация складывалась в городах Петропавловске Акмолинской области и Ишиме Тобольской губернии, где поляков, для которых католичество является традиционной религией, наблюдалось даже больше относительно общего числа католиков. Вероятно, некоторые из них, ассимилировавшись с местным населением, приняли православие либо стали атеистами, что после манифеста 1905 г., провозгласившего свободу вероисповедания, официально не преследовалось.

Более других этнической и конфессиональной ассимиляции были подвержены белорусы. Сибирский этнограф Е.Ф. Фурсова на материале полевых данных этнографических экспедиций сделала вывод, что этнические белорусы, в зависимости от вероисповедания, делились на две неравные части: большую составляли православные, идентифицировавшие себя с русскими и считавшие родным русский язык, и католики, которые относили себя к белорусам, но православными братьями звались «поляками». В связи с этим белорусские поселки Северной Барабы и северо-западной части Новосибирской области часто в народе назывались «польскими», так как сами белорусы осознавали свою веру как «польскую» [Фурсова, 2000, с. 102–104]. Жизнь в отдаленных от этнической территории странах, как замечает Л.М. Лыч [2000, с. 127–131], всегда сопряжена с постепенной утратой оторванными от нее людьми своей принадлежности к родной национальности. Перейдя в силу разных причин на стандарты русской или украинской жизни, белорусы могли принять и их национальность. Таким образом, в зависимости от этнической идентичности выходцев из западных губерний можно разделить на три группы: 1) те, чьи родители считали себя белорусами, а их дети — русскими, хотя знали о своем происхождении; по вероисповеданию часто православные; 2) те, кто считал своих родителей и себя русскими и родным языком — русский, достоверно зная о своем православном происхождении; 3) те, у кого родители считали себя этническими белорусами, дети и внуки, часто даже при наличии записи в паспорте «русский», принимали родной язык и говорили на нем дома, соблюдали католические религиозные традиции.

Таким образом, именно к третьей группе белорусского населения мы относим тех, кто в ходе полевых исследований дает о себе сведения: «родителей привезли в детском возрасте из д. Ельна Минской губ. Полоцкого уезда, католик», «родители приехали из Витебской губ. в 1900 г., считает себя белорусской, католичка», «Родители из России, откуда точно неизвестно. Национальности не знает, считает себя «полячкой, католичка»; и что более всего показательно, «белорус, католик, более точных данных нет» [Лыч, 2000, с. 127–131].

Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.

Сведениями о конфессиональной принадлежности часто подменялись данные для графы «национальность» в социологических исследованиях первой половины XX в., и не только в отношении белорусов. В списках домовладельцев, составленных Алтайской губернской земской управой в 1916 г., под рубрикой «национальность» во многих поселениях указано «католик», в то время как о протестантах написано просто «немец» [КГУ ГААК, ф. 233, оп. 1. д. 1072]. Относительно поляков наблюдается обратная связь: зачастую указание на польскую национальную принадлежность как само собой разумеющееся предполагало римско-католическую конфессиональную ориентацию, поэтому католические церкви до сих пор в просторечии часто именуется «костелами», а священнослужители в них «ксендзами», несмотря на этнически разнородный состав прихожан. Наши выводы подтверждаются сравнением конфессионального состава сибирского населения в 1910 г. (табл. 3).

Таблица 3

Конфессиональный состав населения зауральского региона в 1910 г., %*

Губерния (область)	Православные с единоверцами и старообрядцами	Магометане	Католики	Протестанты
Амурская	88,05	0,54	0,35	0,60
Енисейская	96,04	0,86	1,08	0,66
Забайкальская	81,00	0,48	0,30	0,10
Иркутская	83,62	1,48	0,78	0,15
Приморская	63,58	0,57	1,65	0,47
Тобольская	94,12	4,47	0,50	0,43
Томская	95,62	2,12	0,44	0,10
Якутская	98,47	0,70	0,15	0,07
Акмолинская	34,31	64,43	0,25	0,77
Закаспийская	9,03	88,07	1,23	0,28
Самаркандская	1,59	97,62	0,18	0,06
Семипалатинская	10,20	89,71	0,03	0,02
Семиреченская	9,76	90,18	0,02	0,01
Сырдарьинская	3,12	96,37	0,19	0,13
Тургайская	8,95	90,99	0,03	0,01
Уральская	25,60	74,15	0,04	0,02
Ферганская	0,63	99,09	0,10	0,02
Всего по империи	69,90	10,83	8,91	4,85

* Составлено по: [Ежегодник России. 1910 г., 1910, с. 74].

Видим, что мусульмане, католики и протестанты составляли наиболее массовые конфессиональные группы в зауральском регионе, значительно отставая от доминирующей совокупности православных, единоверцев и старообрядцев. Сохранялось относительное превалирование в процентном соотношении Восточной Сибири над Западной, а в абсолютных данных — Западной над Восточной. Последнее обстоятельство объяснялось активными экономическими миграциями в сельские местности Западной Сибири немецкого католического населения. Замечено, что «масштабы расселения католиков и лютеран в Сибири... зависели от политики государства и условий, необходимых для осуществления колонизации» [Асочакова, 2007, с. 76]. Экономические миграции привлекли в Сибирь представителей разных национальных и конфессиональных групп, а великие потрясения были еще впереди, поэтому и процентные соотношения в национальном составе региона оставались в 1910 г. такими же, как и 13 лет назад.

Перед российским правительством стояла двуединая задача: с одной стороны, необходимость учитывать военно-стратегические и экономические задачи освоения малонаселенных окраин страны, с другой — сохранять экономическую и социальную стабильность в губерниях европейской части России. Сибирь стала рассматриваться правительством в качестве одного из основных колонизируемых регионов еще в начале 80-х гг. XIX столетия в результате обострения экономического кризиса, вызванного русско-турецкой войной и неурожаем 1880 г., ростом самовольного переселенческого движения и увеличения антиимперских, антипомещичьих выступлений. Таким образом, католики — политические ссыльные сменились в Сибири качественно иной категорией переселенцев: католики — вольные работники. Добровольные переселенцы, крестьяне, имели право выбора и сами определяли, где им поселиться.

Неудачный для российской армии ход военных действий в 1915 г. привел к тому, что в Сибирь из западных губерний России хлынул поток беженцев, многие из которых были католика-

ми. Большинство их располагалось и пыталось обосноваться в городах, на железнодорожных станциях, вблизи транспортных магистралей. Омский декан — настоятель католического прихода Непорочного Зачатия Богородицы докладывал в Консistorию, что «через Омский приход, Акмолинской области, следует волна беженцев, направляясь в дальнейшие пункты Сибири. В самом г. Омске беженцев-католиков зарегистрировано до 1000 чел.» [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 328, л. 167]. По сведениям Особого совещания по устройству беженцев, к тому моменту по Сибирской магистрали прошло уже 15 тыс. беженцев, многие из которых разместились в крупных городах по линии железной дороги [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 328, л. 133]. В дальнейшем беженцы расселялись в более мелких населенных пунктах, в сельской местности.

О географии расселений стало известно из доклада управляющего Могилевской архиепархией епископа Иоанна Цепляка. 18 ноября 1917 г. он докладывал в ДДД ИИ МВД, что в г. Кургане Тобольской губернии и окрестных селениях остановились 150 чел. Беженцев в г. Тюмени той же губернии — около 100 чел., в Томске — 1770 чел., из них $\frac{3}{4}$ поляков, в с. Тимофеевка и других окрестных селениях Каинского уезда — 25 семейств, в г. Барнауле — 200 чел., г. Бийске — 50 чел., Боготольском приходе — 70 семейств, «но всё прибывают новые» [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 1426, л. 133].

В действительности, отмечал Цепляк, число беженцев гораздо больше, так как регистрация коснулась лишь части их. Основная масса беженцев-католиков была размещена в Омске, Красноярске и Иркутске, а к августу 1916 г. число осевших в одной только Томской губернии составляло 56 тыс. чел. [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 1426, л. 133, 167].

Томский историк А.Я. Манусевич отметил, что «временное польское население России в годы Первой мировой войны состояло из переселенцев, прибывших в Россию на заработки сравнительно незадолго до войны (примерно 300 тыс. чел.), из политических заключенных и ссыльных (более 3 тыс. чел.), из беженцев (до 1,5 млн чел.), военнослужащих (500 тыс. чел.), военнопленных (100 тыс. чел.). Всего, следовательно, в России к 1917 г. находилось до 2,5 млн чел. временного польского населения. Признавая несомненную условность этой цифры, можно считать бесспорным, что речь идет о больших человеческих массах» [1965, с. 41]. Местами выхода беженцев, как и в предыдущие периоды, были Виленская, Витебская, Ковенская, Сувалкская губернии. Другими центрами миграции, не фигурировавшими ранее в качестве источника массовых переселенцев, явились Курляндская, Лифляндская, Ломжинская, Холмская губернии. Социальный и возрастной состав вынужденных переселенцев был необычайно широк: от одиноких домработниц с детьми младенческого возраста до глубоких стариков, от чернорабочих до потомственных шляхтичей. Рабочие и служащие: плотники, столяры, печники, сапожники, портные, колбасники, кузнецы, дорожные мастера, учителя, врачи — определялись на жительство со своими семьями главным образом в города Новониколаевск и Томск. Тех же, кто на родине занимался земледелием и указал это при обследовании, Бюро по учету беженцев направляло в сельскую местность. Удивительно, что даже в обстановке всеобщей сумятицы учитывалась национальная и конфессиональная принадлежность водворяемых: новыми местами их обитания стали Барнаул, Бийск, Боготол, Каинск, Мариинск, т.е. те населенные пункты, где они могли найти не только дом и работу, но и близкую культурную среду [Беженцы..., 1916, с. 1–156]. Стремительно увеличивавшееся количество лиц католического исповедания уже не успевали обслуживать священники сибирских деканатов. В помощь им, с согласия МВД, в 1915 г. было командировано еще около 100 пастырей, в основном также из числа беженцев [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 1426, л. 325].

К сожалению, сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. не предоставляют данных для сравнения конфессионального состава населения Сибири в динамике, так как Первая всеобщая российская сельскохозяйственная перепись 1916 г. была произведена по распоряжению министра земледелия и преследовала узкую цель — учет сельскохозяйственного населения для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Переписи не подлежало население городов, полосы отчуждения железных дорог и население, не занимавшееся непосредственно сельским хозяйством. Перепись 1917 г. проводилась в период с мая по октябрь, т.е. накануне революционных событий, и могла бы показать качественный и количественный состав населения, но, к сожалению, ее данные не могут быть признаны вполне репрезентативными в контексте нашего исследования, так как ряд труднодоступных районов Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области не были охвачены переписью. В.Н. Разгон, разрабатывая материалы переписи населения 1917 г., пришел к выводу, что польские крестьяне Алтая в большей степени, чем русские и украинские, занимались промыслами. Если процент русских, занятых в промысловой деятельности сельского хозяйства Алтайского округа, составлял в 1917 г.

Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.

5,3 %, а украинцев — 3,5 %, то поляков — 16,7 %. Больше значение зафиксировано только среди протестантов-литовцев — 28,5 % [Разгон, 1996, с. 145]. По совету В.Н. Разгона мы проанализировали материалы коллекции Алтайской губернской земской управы и изучили переписные листы. Была установлена следующая закономерность: в графе «национальность» переписные крестьяне указывали не национальную, а конфессиональную принадлежность, если она отличалась от эталонной в России (не являлась православной) [КГУ ГААК, ф. 233, оп. 1, д. 406, 763, 986, 1005, 1072]. Выявленный факт позволяет сделать вывод о превалировании к 1917 г. конфессиональной самоидентификации над национальной в среде переселенцев.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов. Конфессиональное сообщество католиков Сибири формировалось в период с Ноябрьского восстания 1830 г. в Царстве Польском, давшего первую массовую волну ссыльных католического вероисповедания в Сибирь, по 1917 г. включительно за счет мигрантов из европейских губерний империи. Демографические характеристики состава членов конфессионального сообщества католиков в западном и восточном регионах Сибири принципиально различны. Для восточного региона побудительным мотивом формирования католического сообщества выступила главным образом политическая ссылка. В Западной Сибири системообразующим фактором стали в большинстве случаев аграрные переселения либо заработная миграция при строительстве Транссибирской железной дороги. Оказавшись в новых социокультурных условиях, переселенцы придерживались традиционных для себя религиозных ценностей, что обусловило формирование в рамках указанного хронологического периода на данной территории конфессионального сообщества католиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Неопубликованные источники

ГУТО ГАТ. Ф. 152. Тобольское общее губернское управление.

КГУ ГААК. Ф. 233. Алтайская губернская земская управа.

РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Опубликованные источники

Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и их адреса. Томск: Тип. Г.И. Ливен, 1916. Вып. 1–2. 696 с.

Города России в 1910 г. СПб.: Центр.-стат. ком. МВД, 1914. [2], III, 1158, XXXII с.

Ежегодник России. 1910 г. СПб., 1910.

ПВПН РИ — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб.: Изд. Центр. стат. ком., 1901. 39 с.

ПВПН РИ. Т. 73: Енисейская губерния. СПб., 1904. 185 с.

ПВПН РИ. Т. 74: Забайкальская область. СПб., 1904. 183 с.

ПВПН РИ. Т. 75: Иркутская губерния. СПб., 1904. 171 с.

ПВПН РИ. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905. 247 с.

ПВПН РИ. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. 245 с.

ПВПН РИ. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1905. 135 с.

Литература

Асочакова В.Н. Особенности религиозно-конфессиональной ситуации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. — 1861 г. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 72–79.

Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков // Немцы. Россия. Сибирь. Омск: Изд-во ОГИК музея, 1996. С. 5–57.

Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: Социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.

Дятлова В.А. Немцы Красноярского края: Исторический аспект // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 40–47.

Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул: Азбука, 2010. 210 с.

Заштовет Л. Депортации и переселения польского населения из западных губерний вглубь Российской империи после январского восстания 1863–1864 гг. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань: Изд-во КазГУ, 1998. С. 165–170.

Кротт И.И. Этническое предпринимательство: к проблеме социокультурных условий хозяйственной адаптации немцев в Западной Сибири в конце XIX — начале XX века // Немцы Сибири: История и современность Омск: Наука, 2006. С. 12–15.

Леончик С.В. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 52–58.

Лыч Л.М. Национально-культурное строительство в БССР и белорусская диаспора Сибири (1920-е — первая половина 1930-х гг.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 127–131.

Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул: Позитив, 1996. 186 с.

Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в октябрьской революции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1965. 68 с.

Мулина С.А. Мигранты поневоле: Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные в Западной Сибири в XIX в. (20-е — первая половина 70-х гг.). Иркутск, 2011. 254 с.

Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII — первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 32 с.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890–1930-е годы). Новосибирск: Сибстрин, 2011. 460 с.

Пяtkова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. Сургут: РИО СурГПУ, 2008. 161 с.

Разгон В.Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Историческое профессиоведение. Барнаул, 1996. С. 142–147.

Розина Е.К. Условия переселения немецких крестьян в Сибирь в начале XX века // Немцы Сибири: История и современность. Омск: Наука, 2006. С. 5–8.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань: КазГУ, 1998. С. 170–176.

Скубневский В.А. Поляки в административной и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII — начале XX века // Мир Евразии. 2009. № 3 (6). С. 66–71.

Сливовская В. Польская Сибирь — мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1262>.

Смирнова Т.Б. История немецких населенных пунктов Любинского района Омской области // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития: Омск: Омскбланкиздат, 2010. Ч. I. С. 123–127.

Стшижевская С. Ссылные участники Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 124–133.

Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830–1850 годы). Чита: ЗабГПУ, 2001. 151 с.

Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 110–121.

Федорчук С. Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994. 88 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 102–104.

Шайдуров В.Н. Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX — начало XX вв.) // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 66–75.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX — начала XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 88–97.

Шостакович Б.С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 43 с.

Masiarz W. Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805–1937) // Kościół katolicki na Syberii. Historia — Współczesność — Przyszłość. Wrocław: Silesia, 2002. S. 125–140.

Masiarz W. Projekt utworzenia biskupstwa katolickiego w Tomsku na Syberii na przełomie XIX–XX wieku // Polacy w nauce i kulturze Tomsku oraz Syberii Zachodniej. Wrocław, 2008. S. 279–295.

Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Wrocław: Biblioteka zesłanca, 1991. 196 s.

Новосибирск,

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
tatned@list.ru

The article is devoted to formation of a confessional community of Siberian Catholics under mass migration from west regions of the empire to the east. The investigation source basis is constituted by statistic data. Using methods of content-analysis, method of aggregating indexes, together with methods of analysis and synthesis, the author comes to a conclusion on a progressive increasing a share of Catholics in the population of Siberia from 1830 to 1917. The mass migration was due to both political and social-economic reasons.

Confessional community of Siberian Catholics, composition and number of the population, demographic characteristics, political exile, economic migrations.